

Агата Кристи «Тайна египетской гробницы»

Из всех многочисленных приключений, которые за эти годы нам с Пуаро довелось пережить вместе, одним из самых волнующих и драматических было расследование странной цепочки смертей, которые последовали за находкой и начавшимися раскопками гробницы египетского фараона Мен-Хен-Ра.

Вскоре после нашумевшего открытия нетронутой гробницы фараона Тутанхамона, когда весть о находке лорда Карнавона облетела весь мир, сэр Джон Уиллард и мистер Блайбнер из Нью-Йорка в свою очередь начали раскопки вблизи Каира, в окрестностях пирамид Гизы, и неожиданно наткнулись на другое нетронутое захоронение, до тех пор не известное науке. Это открытие вызвало живейший интерес во всем научном мире. Оказалось что это гробница фараона Мен-Хен-Ра, одного из тех правителей Восьмой династии, до сих пор почти неизвестных историкам, при которых начался закат Древнего царства. Об этом таинственном периоде до сих пор почти ничего не было известно, и весть о находке захоронения, попав в газеты, тотчас взбудоражила не только ученых, но и тех, кто никогда не интересовался древним Египтом.

Но вслед за этим произошло еще одно событие, мгновенно приковавшее к себе внимание публики. Сэр Джон Уиллард вдруг скорострительно скончался от сердечного приступа.

Газеты, для которых такого рода зловещие сенсации означают громадный тираж, немедленно воспользовались этой трагедией и вытащили на свет Божий древние поверья о проклятии фараонов, которое преследует незадачливых искателей сокровищ пирамид. Даже старая мумия какого-то несчастного, с незапамятных времен пылившаяся в Британском музее, вдруг неожиданно для изумленной администрации, стала чем-то вроде "гвоздя сезона" и толпы зевак валом валили, чтобы поглазеть на нее.

Прошло всего две недели после этого печального события, и вдруг весть о новой трагедии поразила всех, словно удар грома - мистер Блайбнер неожиданно для других участников экспедиции умер от заражения крови. А спустя еще два дня его племянник, живший в Нью-Йорке, покончил счеты с жизнью, путив себе пулю в лоб. "Проклятие Мен-Хен-Ра" снова было у всех на устах, и о мистической власти давным-давно исчезнувших с лица земли древних египетских фараонов стали говорить, как о чем-то само собой разумеющемся.

В это самое время Пуаро вдруг получил коротенькую записку от леди Уиллард. Вдова знаменитого египтолога просила его навестить ее в доме на Кенсингтон-гарден, где она жила последние годы. Само собой разумеется, я, как обычно, отправился вместе с ним.

Леди Уиллард оказалась высокой, стройной женщиной. Она еще не сняла траура, а ее осунувшееся, печальное лицо носило на себе печать пережитой трагедии.

- Очень любезно с вашей стороны так быстро откликнуться на мою просьбу, мсье Пуаро!

- Я к вашим услугам, леди Уиллард. Вы хотели посоветоваться со мной о чем-то, не так ли?

- Насколько мне известно, вы детектив, притом весьма известный. Но сегодня я решила обратиться к вам за помощью не только как к детективу. Видите ли, мне сказали, что вы придерживаетесь весьма нетрадиционных взглядов. А кроме того, у вас, мсье Пуаро, есть и воображение, и богатый жизненный опыт. Умоляю вас быть со мной

откровенным ... Скажите, мсье Пуаро, верите ли вы в сверхъестественное?

На лице Пуаро отразилось некоторое замешательство. Казалось, он не знал, что на это сказать. Помявшись немного, он, наконец, решился.

- Давайте говорить откровенно, леди Уиллард, хорошо? Ведь вы сегодня попросили меня прийти вовсе не для того, чтобы задать довольно абстрактный вопрос. Скорее всего, тут замешано что-то личное, не так ли? Мне кажется, это связано с неожиданной смертью вашего супруга. Или я ошибаюсь?

- Да, это так, - призналась она.

- Вы хотели бы, чтобы я расследовал обстоятельства его смерти?

- Я хотела попросить вас разобраться, есть ли хоть крупица правды в том, о чем сейчас болтают все газеты, и что именно из всей этой газетной болтовни основано на подлинных фактах. Произошло три смерти, мсье Пуаро, одна за другой. Каждая из них, взятая в отдельности, кажется вполне естественной. А вот все три вместе составляют нечто совершенно нереальное. Таких совпадений не бывает. А главное - все случилось меньше, чем за месяц, считая с того дня, как нашли эту проклятую гробницу! Конечно, может быть все это - обычное суеверие, не больше. А может, какое-то таинственное проклятие прошлого, месть разгневанного мертвеца, посланная с того света в мир живых каким-то неизвестным современной науке способом. Факты, однако, упрямая вещь, мсье Пуаро - трое уже умерли! И я боюсь, смертельно боюсь, мсье Пуаро... А вдруг это еще не конец?

- За кого вы боитесь?

- За сына. Когда в Англию пришла весть о смерти моего мужа, я болела. Поэтому вместо меня туда поехал мой сын, в то время как раз закончивший Оксфорд. Он и привез домой тело моего несчастного мужа. А потом, несмотря на все мои просьбы, он вновь вернулся в Египет. Эта страна просто заморозила его. Мой мальчик заявил, что хочет пойти по стопам отца и продолжить его дело. Раскопки гробницы продолжаются. Может быть, вы сочтете меня глупой, истеричной женщиной, мсье Пуаро, но мне страшно. А что, если злобный дух мертвого фараона все еще алчет мести? Возможно, вы считаете, что от горя у меня помутилось в голове...

- Нет, нет, леди Уиллард, я так не думаю, - поспешно сказала Пуаро. Если хотите знать, я тоже верю в во власть сверхъестественного. Я даже уверен, что это одна из самых могущественных сил, которую знает этот мир.

Я в изумлении выпучил на него глаза. - "Что-то никогда раньше не замечал за ним страха перед сверхъестественным", - озадаченно подумал я. Но в голосе моего маленького друга звучало такое искреннее сочувствие, а лицо было таким простодушным, что я прикусил язык.

- Вы хотите, чтобы я поехал туда и убедил вашего сына вернуться назад в Англию? Что ж, постараюсь сделать все возможное, чтобы оградить его от беды.

- Если бы ему грозила опасность от руки человека, я бы так не боялась. А что, если все это связано с потусторонним миром?

- В средневековых фолиантах, мадам, вы найдете многочисленные описания самых разных способов, которыми люди в то время боролись с темными чарами, или, иначе говоря, с черной магией. Вполне возможно, им было известно куда больше, чем нам, современным, о зловещей науке ведовства. А теперь давайте вернемся к фактам.

Думаю, без этого не обойтись. Скажите, леди Уиллард, ваш муж всегда был увлеченным египтологом, не так ли?

- Да, с самой юности. И стал одним из крупнейших авторитетов в этой области.

- Но мистер Блайбнер, как я слышал, был всего лишь любителем?

- Да, совершенно верно. Он был очень богатым человеком. Натура у него была увлекающаяся - он мог легко загореться любой идеей, и она полностью завладевала всеми его помыслами. Моему мужу удалось пробудить в нем жгучий интерес к египтологии. Именно на его деньги и была организована экспедиция. И все расходы тоже оплачивал он.

- А его племянник? Вы что-нибудь знаете о нем? Он тоже был участником экспедиции?

- Нет, я так не думаю. Честно говоря, мсье Пуаро, я вообще не подозревала о его существовании, пока не прочла о его смерти в газетах. По-моему, они с мистером Блайбнером последнее время не слишком хорошо ладили. Во всяком случае, он никогда не упоминал о том, что у него есть племянник.

- А кто еще участвовал в экспедиции?

- Доктор Тоссвилл - это один из сотрудников Британского музея, потом мистер Шнейдер - его заокеанский коллега, представитель нью-йоркского музея Метрополитен, еще один молодой человек - секретарь мистер Блайбнера, он тоже американец. Кто же еще? Ах, да, доктор Эймс, он врач. И, конечно, Хасан - преданный слуга моего мужа. Он египтянин.

- А вы не помните случайно фамилию молодого американца, секретаря мистера Блайбнера?

- Если не ошибаюсь, Харпер. Впрочем, точно не могу сказать. Насколько я знаю, он прослужил у мистера Блайбнера совсем недолго. Очень приятный молодой человек.

- Что ж...благодарю вас, леди Уиллард.

- Если я могу вам чем-нибудь помочь...

- Боюсь, пока нет. Теперь предоставьте все мне и успокойтесь, умоляю вас. Будьте уверены в одном - я сделаю все возможное, чтобы защитить вашего сына. Все, что в человеческих силах, конечно.

Прозвучало это, во всяком случае, не слишком обнадеживающе, и я успел заметить, как вздрогнула, отшатнувшись в сторону, леди Уиллард, когда эти слова слетели с уст Пуаро. И в то же время одно лишь сознание того, что нашелся человек, который не стал смеяться над ее суеверными страхами, казалось, было для нее большим утешением.

С другой стороны мне бы и в голову никогда не пришло, что Пуаро с такой серьезностью относится ко всему сверхъестественному - это было совсем не в его духе. В надежде осторожно прощупать его я по дороге домой как бы нечаянно завел разговор на эту тему. К моему величайшему удивлению, Пуаро был серьезен и мрачен, как никогда. Мне к тому же показалось, он горит желанием приступить к делу.

- Боже мой, Гастингс, ну, конечно же, я верю во власть темных сил! Ни в коем случае не стоит недооценивать могущество, которым обладает сверхъестественное.

- И что же вы собираетесь предпринять?

- Милый Гастингс, вы всегда такой *toujours pratique* *! Ладно, друг мой, начнем с того, что отправим телеграмму в Нью-Йорк. Пусть пришлют подробную информацию по поводу самоубийства молодого Блайтнера.

Мы так и сделали. Ответ был получен немедленно. Информация была точной и исчерпывающей. Как выяснилось, молодой Руперт Блайтнер в последние годы был на мели. Он уехал куда-то на южные острова, жил на те гроши, что присылал ему дядя, время от времени перебиваясь случайными заработками. Два года назад молодой человек вернулся в Нью-Йорк, но так и не взялся за ум, скатываясь все ниже и ниже. Наиболее важным, с моей точки зрения, был тот факт, что не так давно он пытался занять довольно крупную сумму, достаточную для поездки в Египет. - "У меня там есть друг, который не в силах мне отказать", - хвастался он направо и налево. Как бы там ни было, планам его, однако, не суждено было осуществиться. Вскоре он вернулся обратно в Нью-Йорк, в ярости проклиная на чем свет стоит собственного дядю, который, по его словам, куда больше заботится об истлевших костях давным-давно умерших фараонов, чем о собственной плоти и крови. Он как раз был в Египте, когда скоропостижно скончался сэр Джон Уиллард. Вернувшись в Нью-Йорк, молодой Руперт продолжал вести прежнюю жизнь, постепенно скатываясь на самое дно, пока, неожиданно для всех, не покончил жизнь самоубийством, оставив весьма странную записку. В ней было всего несколько фраз. Похоже, что писал он ее в приступе раскаяния. В ней он почему-то называл себя "изгоем" и "прокаженным", а заканчивалась она словами, что он, дескать, не имеет больше права оставаться в живых.

Мрачные мысли зашевелились у меня в голове. Честно говоря, я никогда не верил во всю эту чушь насчет проклятия давным-давно умершего египетского фараона. Мне всегда казалось, что преступника следует искать в нашем времени. Предположим, что молодой неудачник решил так или иначе избавиться от своего дядя - вероятнее всего, с помощью яда. Но тут произошла ошибка и по несчастной случайности яд попал к несчастному сэру Джону Уилларду. Терзаемый угрызениями совести и преследуемый мыслями о совершенном им преступлении молодой человек возвращается в Нью-Йорк. И тут его настигает весть о смерти дяди. Осознавая, насколько бессмысленным было совершенное им убийство и мучимый раскаянием, он принимает решение свести счеты с жизнью.

* *toujours pratique* (фр.) -практичный

Я тут же выложил свою версию событий Пуаро. Казалось, эта идея его заинтересовала.

- Что ж, ход ваших мыслей мне понятен, дорогой Гастингс. Только ведь это просто...слишком просто. Впрочем, не исключено, что все так и было. Но вы, по-моему, забываете о роковом влиянии гробницы.

Я пожал плечами.

- Вы по-прежнему уверены, что в этом что-то есть?

- Настолько, что мы с вами завтра же отправляемся в Египет, друг мой.

- Что?! - пораженный до глубины души воскликнул я.

- Нет, нет, я не шучу. - С видом обреченной жертвы вздохнул Пуаро. Тихий, жалобный стон вырвался у него из груди, - О Боже! - жалобно посетовал он. - Море! Это ужасное море!

Прошла неделя. Под нашими ногами шуршал золотой песок пустыни. Прямо над головой в небе ослепительно сияло жаркое солнце. Пуаро - живое олицетворение скорби - вяло тащился за мной следом. Маленький бельгиец терпеть не мог морские путешествия. Наше плавание из Марсея, длившееся всего четыре дня, превратилось для него в настоящую пытку. Когда мы пришвартовались в Александрии, он превратился на тень самого себя, даже обычная для него аккуратность и чуть ли не кошачья страсть к чистоте были забыты. Вскоре мы прибыли в Каир и напрямик отправились в отель Мена- Хаус, расположенный у самого подножия пирамид.

Колдовское очарование древнего Египта вскоре завладело мной. Но не Пуаро. Одетый точь-в-точь так же, как если бы он находился в Лондоне, он постоянно таскал с собой в кармане маленькую одежную щетку и вел нескончаемую войну с пылью, которая то и дело оседала на его костюме.

- А мои ботинки! - стонал он. - Нет, вы только взгляните, Гастингс! Мои новенькие ботинки, из тончайшей кожи, всегда такие опрятные и блестящие! Боже милостивый, внутри песок, который немилосердно трет ноги, и снаружи тоже - на них смотреть больно! И эта жара... эта ужасная жара! От нее мои усы превратились в настоящую мочалку...да, да, мочалку!

- Лучше поглядите-ка на сфинкса, - посоветовал я. - Даже я чувствую, что от него исходит очарование древней тайны.

Пуаро с досадой покосился на меня.

- Не очень-то у него счастливое выражение лиц, - пробурчал он. - Да и чего еще ожидать от бедняги, когда он едва ли не по уши погрузился в этот чертов песок! Будь все проклято!

- Да не ворчите, Пуаро. В вашей родной Бельгии тоже песка хватает, ехидно напомнил я ему, еще не забыв наш отдых в Нок-сюр-мер, в самом сердце "изумительных дюн", как было написано в путеводителе.

- Только не Брюсселе, - заявил Пуаро, задумчиво поглядывая на пирамиды. - Что ж, хоть тут не обманули. Все они правильной геометрической формы...но вот эта их шероховатая поверхность! Она просто отвратительна! А пальмы! Терпеть их не могу! Хоть бы посадили их рядами, что ли!

Я безжалостно прервал его жалобы, предложив немедленно отправиться в лагерь археологов. Добираться туда можно было только на верблюдах. Эти огромные животные, покорно опустившись на колени, терпеливо ждали, пока мы вскарабкаемся им на спину. Верховодила нашим караваном целая ватага одетых в живописные лохмотья мальчишек, возглавляемая болтливым переводчиком.

Избавлю читателя от описания того печального зрелища, которое представлял собой Пуаро, с грехом пополам взгромоздившийся на верблюда. Начав со стонов и вздохов, кончил он пронзительными воплями и жалобами в адрес Пресвятой Девы Марии и каждому святому в отдельности. В конце концов, он позорно капитулировал - потребовал, чтобы ему позволили спешиться, и продолжил наше путешествие верхом на крохотном ослике. Впрочем, должен честно признать, что поездка на огромном верблюде - не шуточное испытание для любого новичка. Сам я несколько дней кряхтел от мучительной боли во всем теле.

Но вот наше путешествие подошло к концу, и мы добрались до лагеря археологов. Дочерна обгоревший на солнце седобородый мужчина в тропическом шлеме и легком белом костюме подошел к нам и поздоровался.

- Мсье Пуаро и капитан Гастингс? Мы получили вашу телеграмму. Прошу прощения, что не смогли встретить вас в Каире. Случилось нечто ужасное, и это совершенно расстроило наши планы.

Пуаро побледнел, как смерть. Рука его, украдкой потянувшаяся в карман за щеткой, повисла в воздухе.

- Неужели еще одна смерть?! - ахнул он.

- Увы, да.

- Господи...сэр Гай Уиллард?

- Нет, нет, капитан Гастингс. Скончался мой американский коллега, мистер Шнейдер.

- А причина смерти? - вмешался Пуаро.

- Столбняк.

Я почувствовал, как липкие пальцы страха скрутили мне желудок. Казалось, даже воздух вокруг меня был пропитан миазмами зла, невидимыми, но оттого еще более опасными. Вдруг ужасная мысль пришла мне в голову. А что, если следующей жертвой окажусь я сам?

- Боже милостивый, - едва слышно прошептал Пуаро. - Ничего не понимаю. Ужасно! Скажите, мсье, нет никаких сомнений в том, что причиной его смерти действительно был столбняк?

- Насколько я понимаю, никаких. Однако, думаю, будет лучше, если вы поговорите с доктором Эймсом. В таких вещах он разбирается лучше меня.

- Ах да, конечно, ведь вы же не врач!

- Моя фамилия Тоссвилл.

Стало быть, это и есть представитель Британского музея, подумал я, один из младших научных сотрудников, как сказала леди Уиллард. Во всем его облике сквозило какое-то мрачное упорство. Он был печален, и в то же время спокоен и собран, что особенно понравилось мне.

- Пойдемте со мной, - предложил он. - Я отведу вас к сэру Гаю Уилларду. Он сторает от желания познакомиться с вами, поэтому строго-настрога приказал привести вас к нему, как только вы прибудете в лагерь.

Мы прошли через лагерь, и перед нами оказалась большая палатка. Отодвинув полог, доктор Тоссвилл проскользнул внутрь. Мы последовали за ним. Внутри палатки я увидел троих мужчин.

- Это мсье Пуаро и капитан Гастингс, сэр Гай, - объявил Тоссвилл.

Самый младший из троих мужчин вскочил на ноги и поспешно двинулся нам навстречу. Во всем его облике была какая-то нервная порывистость, которая вдруг напомнила мне его мать. Он еще не успел загореть до черноты, как остальные двое, и это бледность, особенно заметная из-за темных кругов под глазами, делала его гораздо старше его двадцати двух лет. С первого взгляда было очевидно, что юноша мужественно пытается

нести тяжкий груз забот и тревог, свалившийся на его плечи.

Он представил нам своих коллег - доктора Эймса, с виду весьма компетентного и уверенного в себе человека лет за тридцать, в темных волосах которого уже начинала кое-где пробиваться ранняя седина, и мистера Харкера, секретаря, довольно приятного худощавого молодого человека, на носу которого, выдавая его национальную принадлежность, красовались неизбежные роговые очки.

Обменявшись с нами парой ничего не значивших фраз, молодой американец распрощался и вышел. Доктор Тоссвилл последовал за ним. Мы остались наедине с сэром Гаем и доктором Эймсом.

- Прошу вас, не стесняйтесь, мсье Пуаро, - сказал сэр Гай. - Задавайте любые вопросы, какие сочтете нужными. Конечно, все мы тут несколько выбиты из колеи цепью этих страшных смертей. Однако ни один из нас, конечно, не сомневается, что все - лишь трагическое совпадение. Хотя и дьявольски странное, надо сказать. Ничем другим это просто не может...не должно быть.

Но беспокойство, сквозившее во всем его облике, противоречило его словам. Я заметил, что Пуаро внимательно изучает молодого Уилларда.

- Скажите, сэр Гай, эти раскопки так много для вас значат?

- Невероятно много, мсье Пуаро! И что бы ни случилось, как бы все не обернулось, раскопки будут продолжаться, несмотря ни на что. Вам придется с этим смириться. Что бы не случилось!

Пуаро, отвернувшись от него, обратился к доктору Эймсу.

- А что об этом думаете вы, доктор?

- Что ж, скажу вам прямо, - протянул он. - Мне знаете, тоже как-то не по душе мысль о том, чтобы все бросить и уехать.

Пуаро скорчил одну из своих знаменитых гримас.

- Понятно. Стало быть, выхода нет - придется так или иначе докопаться до правды и выяснить, что же произошло. Тогда к делу. Начнем с мистера Шнейдера. Когда он умер?

- Три дня назад.

- И вы уверены, что причина его смерти - столбняк?

- Абсолютно уверен.

- А не мог он случайно отравиться...стрихнином, например?

- Нет, мсье Пуаро. Догадываюсь, к чему вы клоните. Но, уверяю вас, это был столбняк. Можно сказать, классический случай.

- А вы вводили ему противостолбнячную сыворотку?

- Естественно, - отрезал доктор. - Поверьте, было сделано все, что в человеческих силах, чтобы спасти его. Увы, это не удалось.

- А сыворотка от столбняка...она была у вас с собой?

- Нет. Нам прислали ее из Каира.

- А были еще случаи столбняка в лагере?

- Нет. Ни единого.

- Скажите, у вас нет никаких сомнений в смерти мистера Блайбнера? Может, это тоже был столбняк?

- Вздор! Тут все было ясно с самого начала. Блайбнер порезал большой палец. Скорее всего, в рану попала инфекция, и началось заражение крови. Конечно, дилетанту...хм...неспециалисту оба эти случая могут показаться достаточно схожими, но, поверьте мне на слово, это не так.

- Стало быть, у нас на руках четыре смерти: один инфаркт, одно заражение крови, одно самоубийство и столбняк. Ничего общего!

- Именно так, мсье Пуаро!

- Скажите, вы уверены, что во всех этих случаях нет ничего общего?

- Простите, я не совсем вас понимаю. К чему вы клоните?

- Что ж, постараюсь вам объяснить. Эти четверо, которых уже нет в живых, не могли ли они совершить нечто такое, что оскорбило бы и потревожило бы дух фараона Мен-Хен-Ра?

Доктор изумленно уставился на маленького бельгийца.

- Послушайте, что за чушь вы несете, мсье Пуаро?! Не можете же вы всерьез принимать всю эту ерунду, что болтают в газетах о проклятии фараона?!

- Абсолютная чепуха! - гневно вмешался сэр Гай.

Но Пуаро и ухом не повел. Только в глазах его загорелся так хорошо мне знакомый зеленый огонек, отчего он сразу стал похож на огромного кота.

- Стало быть, вы в это не верите, да, доктор?

- Нет, сэр, не верю, - с горячностью объявил тот. - Видите ли, я человек науки, ученый, и я верю только в то, что можно объяснить законами природы, а не во всю эту чушь!

- Ну, а разве в древнем Египте не было науки? - вкрадчиво спросил Пуаро. Скорее всего, он и не ждал ответа. И в самом деле, мне показалось, что от неожиданности доктор Эймс на мгновение лишился дара речи. Пуаро замахал руками, - Нет, нет. Не надо, не возражайте. Скажите мне только, а что думают об этом ваши рабочие из местных?

- Что ж, - задумчиво произнес доктор Эймс, - если уж мы, белые, в таких обстоятельствах теряем голову, что тут говорить о цветных? Признаюсь, мсье Пуаро, наши рабочие перепуганы до смерти. В лагере поползли разговоры, хотя, видит Бог, для этого нет ни малейших оснований.

- Интересно, - ни к кому не обращаясь, протянул Пуаро. Но мне показалось, что в голосе его не было особой уверенности.

Сэр Гай подался вперед.

- Конечно, - недоверчиво проговорил он, - не можете же вы и впрямь верить...да что я говорю? Это же полная чушь! Мсье Пуаро, допускать на секунду, что такое возможно, значит, не знать абсолютно ничего ни о древнем Египте, ни о египтянах вообще.

Вместо ответа Пуаро вытащил из кармана маленькую потрепанную книжечку - с

первого взгляда было понятно, что это какой-то старинный манускрипт. Он продемонстрировал ее нам, и я успел прочесть заглавие Магия древних египтян и халдеев. Потом, круто повернувшись на каблуках, Пуаро отбросил в сторону полог и вышел из палатки. Доктор в растерянности уставился на меня.

- Господи, что за странная идея?

Услышав из его уст фразу, которую так часто повторял Пуаро, я чуть было не расхохотался, настолько это было комично.

- Понятия не имею, - признался я. - Держу пари, что Пуаро задумал изгнание бесов, не иначе.

Пришлось идти разыскивать Пуаро. Я обнаружил его беседующим с тем самым худощавым, узколицым юношей, который в последнее время служил у Блайбнера секретарем.

- Нет, - говорил между тем мистер Харпер, - я в экспедиции недолго, каких-то полгода или чуть больше. Да, конечно, мне известно состояние дел мистера Блайбнера.

- Скажите, а не могли бы вы рассказать мне поподробнее о том времени, когда сюда приезжал его племянник?

- Видите ли, он и пробыл-то здесь всего лишь один день. Симпатичный парень. Я раньше никогда его не встречал, но кое-кто из наших коллег знал его прежде. Эймс, по-моему. И, кажется, Шнейдер. А старый Блайбнер вовсе не обрадовался, когда парень явился сюда. И минуты не прошло, как они уже поцапались. Ругались на весь лагерь. "Ни цента не получишь! - это, конечно, кричал старик, - Ни единого цента, пока я жив! Все мои деньги, до последнего гроша будут завещаны науке. Мое состояние поможет завершить труд всей моей жизни. Я уже сегодня сказал об этом Шнейдеру". - Ну, и дальше, в том же самом духе. А после этой ссоры молодой Блайбнер укатил обратно в Каир.

- Скажите, в то время он был здоров?

- Кто, старик?

- Нет, я имею в виду молодого человека.

- Знаете, кажется, он действительно пару раз упоминал о том, что с ним не все в порядке. Но по-моему, это было не слишком серьезно, иначе бы я обратил на это внимание.

- Понятно. Тогда, если позволите, еще один маленький вопрос. А мистер Блайбнер оставил завещание?

- Насколько мне известно, нет.

- Каковы теперь ваши планы, мистер Харпер? Останетесь тут?

- Нет, сэр. Ни за что. Вот только приведу в порядок дела и тут же вернусь обратно в Нью-Йорк. Конечно, можете смеяться надо мной, если хотите, но у меня мурашки ползут по спине при мысли об этих проклятых фараонах! Стать следующей жертвой этого...как его?...Мен-Хен-Ра?! Брр! Держу пари, он и до меня доберется, если только я вовремя не унесу ноги!

Я заметил, что молодой человек утер со лба пот.

Пуаро уже повернулся, чтобы уйти. Но вдруг обернулся и со странной улыбкой бросил

через плечо:

- У Мен-Хен-Ра длинные руки! Помните, одну из своих жертв он настиг и в Нью-Йорке!

- Дьявольщина! - буркнул юноша.

- М-да, а молодой человек боится, - задумчиво протянул Пуаро. - Он на пределе. Да-да, Гастингс, попомните мои слова - на пределе.

Я удивленно покосился на него, но непроницаемое выражение, застывшее на лице Пуаро, и загадочная улыбка, игравшая на губах моего друга, ничего мне не сказали. Дождавшись, пока к нам присоединятся сэр Гай Уиллард и доктор Тоссвилл, мы попросили показать нам раскопки. Они с радостью согласились сопровождать нас туда. По словам наших хозяев, основные находки были уже отосланы в Каир, но найденных древних предметов мебели оставалось еще достаточно, чтобы пробудить в нас сильнейший интерес. Увлеченность молодого баронета бросалась в глаза, однако в том, как он себя вел, сквозила некоторая тревога, будто бы он явственно ощущал нависшую над ним смертельную угрозу. Наконец, распрощавшись, мы направились в отведенную нам палатку. Внутри уже ожидала заранее приготовленная ванна, после чего мы намеревались присоединиться ко всем за ужином. Высокий, смуглолицый человек во всем белом отступил в сторону, пропуская нас в палатку, поприветствовав нас на арабском.

Пуаро остановился.

- Вы ведь Хасан, не так ли? Слуга покойного сэра Джона Уилларда?

- Я служил покойному сэру Джону. Теперь я слуга его сына, - Неожиданно шагнув к нам, он, понизив голос, вдруг взволнованно зашептал: - Они говорят, вы очень мудрый - умеете ладить со злыми духами. Уговорите молодого хозяина уехать отсюда. Тут повсюду зло!

И, не дожидаясь ответа, бесшумно выскользнул из палатки.

- Зло....зло повсюду, - пробормотал вполголоса Пуаро. - Да, похоже, он прав. Я тоже это чувствую.

Нельзя сказать, чтобы обед прошел оживленно. В основном все молчали, охотно предоставив слово доктору Тоссвиллу, а он, воспользовавшись предоставленной ему возможностью, без умолку болтал о древнем Египте. Когда мы уже собирались отправиться спать, сэр Гай вдруг судорожно вцепился Пуаро в руку, глядя выпученными глазами куда-то в проход между палатками. Там, в свете луны, бесшумно скользила какая-то призрачная фигура. Но это был не человек! Мурашки пробежали у меня по спине - я ясно видел собачью голову! Точно такая же фигура уже не раз встречалась мне в рисунках на стенах гробницы.

При виде этого кровь буквально застыла у меня в жилах.

- Боже мой! - пробормотал Пуаро, осеняя себя крестом. - Анубис, бог умерших! Его всегда изображали с головой шакала!

- Кто-то решил нас разыграть, - вскочив на ноги, гневно воскликнул доктор Тоссвилл.

- Послушайте, Харпер, оно вошло в вашу палатку! - едва слышно пролепетал сэр Гай. Лицо его покрылось пепельной бледностью.

- Нет, - покачав головой, перебил Пуаро. - Похоже, это палатка доктора Эймса.

Доктор удивленно воззрился на него, потом недоверчиво покачал головой.

- Кто-то нас дурачит, - воскликнул он, повторяя только что сказанное доктором Тосвиллом, - За мной! Сейчас мы его поймаем!

И с этими словами доктор ринулся вслед за таинственной фигурой. Я, конечно, последовал за ним, но, сколько мы не искали, сколько ни заглядывали во все углы, казалось, там не было ни единой живой души. Совершенно сбитые с толку, растерянные, мы, в конце концов, были вынуждены вернуться. И тут же обнаружили, что за время нашего отсутствия Пуаро принял весьма энергичные меры, правда, на свой лад, для обеспечения собственной безопасности. Не обращая ни на кого внимания, он лихорадочно разрисовывал песок вокруг нашей палатки какими-то загадочными иероглифами и диаграммами. Среди этих рисунков я тут же узнал пятиугольник, или пентаграмму, которая повторялась много раз. При этом, следуя своей привычке, Пуаро читал толпившимся вокруг него слушателям нечто вроде импровизированной лекции о ведьмовстве и вообще о магии. Белая магия, по его словам, противостояла черной. При этом он то и дело с загадочным видом упоминал Ка и Книгу мертвых.

Похоже, сумасбродство Пуаро вызвало нескрываемое презрение доктора Тосвилла. Он оттащил меня в сторону, буквально кипя от возмущения - Чушь собачья! - гаркнул он. - Полная чушь! Этот человек - мошенник и шарлатан! Он не знает даже элементарной разницы между верованиями, существовавшими в древнем Египте, и суевериями, которые пришли к нам из средних веков. Никогда в жизни мне еще не доводилось слышать такой невероятной смеси невежества и суеверия.

Кое-как успокоив взбудораженного знатока древности, я присоединился к Пуаро в палатке. Мой маленький друг лукаво посмеивался.

- Теперь мы можем спать спокойно, - радостно объявил он. - Надо хоть немного отдохнуть. Моя голова просто раскаляется от боли. О, мой травяной отвар, где ты?

И, словно в ответ на его молитвы, полог палатки вдруг распахнулся, и на пороге появился Хасан. В руках у него была чашка с каким-то дымящимся пойлом, которую он протянул Пуаро. Это оказался отвар ромашки, без которого маленький бельгиец просто жить не мог. Поблагодарив услужливого Хасана и отказавшись от второй чашки, которую он предложил мне, мы отослали его и снова остались одни. Раздевшись, я какое-то время еще постоял у входа в палатку, наслаждаясь видом бескрайней пустыни.

- Удивительное место, - громко объявил я, - и удивительная работа. Сколько во всем этом очарования! Жить в пустыне, иметь возможность проникнуть в самое сердце древней цивилизации, приподнять завесу тайны...как это восхитительно! Послушайте, Пуаро, неужели вы не чувствуете ..?

Ответа не последовало. Немного раздосадованный, я обернулся. И моя тревога тут же сменилась уверенностью в том, что случилось нечто ужасное Пуаро, упав навзничь на свой тюфяк, корчился в судорогах. Лицо его было искажено гримасой нестерпимой боли. Я бросился к нему, потом вскочил на ноги, выбежал из палатки и стрелой помчался через лагерь к палатке доктора Эймса.

- Доктор! - крикнул я, - Скорее!

- В чем дело? - зевая, спросил высунувшийся из-за полога доктор Эймс. На нем не было ничего, кроме пижамы.

- Мой друг...ему плохо! Он умирает! Настой из ромашки... - прохрипел я, - Задержите Хасана. Он не должен ускользнуть из лагеря.

Мгновенно сообразив, в чем дело, доктор бегом бросился к нашей палатке. Пуаро лежал в том же положении, как я его оставил.

- Невероятно! - воскликнул доктор Эймс. - Похоже на какой-то приступ вы можете сказать, что он пил? - И тут взгляд его упал на пустую чашку из-под отвара. Он взял ее в руки.

- Я не пил его, - послышался вдруг невозмутимый голос Пуаро.

Мы обернулись и застыли от изумления. Пуаро сидел на койке. На лице его играла улыбка.

- Нет, - мягко повторил он, - я его не пил. Улучив момент, пока мой добрый друг Гастингс восторгался красотой ночи, я воспользовался предоставленной мне возможностью и вылил его...только не в горло, а вот в эту маленькую бутылочку. И со временем она отправится в химическую лабораторию на анализ. Нет, - воскликнул он, заметив, что доктор сделал быстрое движение, - нет, дорогой доктор! Вы разумный человек, а стало быть, понимаете, что сопротивление бессмысленно. Пока Гастингс бегал по лагерю, разыскивая вас, у меня было достаточно времени, чтобы спрятать ее в надежное место. Быстро, Гастингс, хватайте его!

Признаться, я неправильно понял намерения Пуаро. Испугавшись за своего маленького друга, я бросился к нему на помощь, не разгадав замысел доктора. Однако его резкое движение имело своей целью совсем другое. Он молниеносно бросил что-то в рот, и в воздухе сразу же сильно запахло горьким миндалем. Доктор сделал пару неверных шагов и упал ничком.

- Еще одна жертва, - мрачно произнес Пуаро, - слава Богу, последняя. Может быть, так даже лучше. В конце концов, его руки обгажены кровью трех невинных жертв.

- Доктор Эймс?! - не веря собственным ушам, воскликнул я. - А я-то думал, вы считаете, что тут замешаны потусторонние силы!

- Опять вы неправильно поняли меня, Гастингс. Я хотел сказать, что верю только в опасную и темную силу древних суеверий. Смотрите сами - друг за другом скоропостижно вдруг умирает несколько человек. В смерти каждого из них в отдельности нет ничего загадочного. Но поскольку все только и говорят, что о разгневанном духе древнего фараона, то можно преспокойно зарезать кого угодно среди бела дня, и его смерть тоже спишут на счет старинного заклятия -как велика власть сверхъестественного над обычной человеческой душой. Я с самого начала понял, что кто-то пытается этим воспользоваться. Скорее всего, эта мысль впервые родилась у нашего друга доктора сразу же после смерти сэра Джона Уилларда. Вспомните, стоило ему умереть, и тут же поползли темные слухи. С мистером Блайбнером все было совсем по-другому. Он был здоров, как бык. И очень богат. Кое-что прояснилось, когда я получил ответ из Нью-Йорка. Начнем с того, Гастингс, что молодой Блайбнер утверждал, будто у него в Египте есть друг, который с радостью одолжит ему деньги. Почему-то все сразу решили, что он имеет в виду дядю. Но тогда, считал я, он бы так и сказал. Нет, судя по словам молодого человека, у него действительно в Египте был друг, причем довольно близкий. И потом. Он выложил кругленькую сумму за билет до Каира. Но дядя отказался дать ему хотя бы пенни. И все же у него достало денег, чтобы вернуться в Нью-Йорк. Значит, кто-то одолжил ему эти деньги

- Все это достаточно неопределенно, - возразил я.

- Это еще не все, дорогой Гастингс. Вы никогда не замечали как часто слова, сказанные в переносном смысле, воспринимаются буквально? Да, да, так бывает. Но случается и наоборот. Так, что-то сказанное, в буквальном смысле, трактуется иносказательно. Смотрите, Гастингс, перед смертью молодой Блайбнер ясно пишет в своем прощальном письме, - "Я прокаженный", - Но никому и в голову не приходит, что молодой человек пустил себе пулю в лоб просто потому, что решил - на Востоке он имел несчастье подцепить эту страшную болезнь!

- Что?! - ахнул я.

- Да, это была гениальная мысль дьявольски изобретательного ума. Молодой Блайбнер страдал каким-то кожным заболеванием - ведь он долго жил на островах южных морей, где это обычное дело. Эймс когда-то был его близким другом. К тому же он известный врач, и Блайбнеру бы и в голову не пришло сомневаться в его словах. По приезде, мои подозрения поначалу пали на Харпера и доктора Эймса. Но вскоре я пришел к выводу, что доктору легче, чем кому-либо еще не только совершить убийство, но и спрятать концы в воду. К тому же от молодого Харпера я узнал, что Руперт Блайбнер и он были знакомы и раньше. И Руперт, без сомнения, либо написал завещание, либо застраховал свою жизнь в пользу доктора. И тем самым предоставил доктору уникальный шанс поправить свои дела. Естественно, для него не представляло никакого труда внести инфекцию в ранку на пальце старика Блайбнера и поставить страшный диагноз Руперту. Прошло совсем немного времени, и его племянник, в отчаянии от того, что ему вынесен смертельный приговор, пускает пулю в лоб. Старый Блайбнер, несмотря на все свои намерения, умирает, не оставив завещания. Его состояние, весьма внушительное, автоматически переходит к племяннику, а после его смерти - к доктору.

- А как же мистер Шнейдер?

- Есть у меня одно предположение, но, боюсь, этого мы никогда уже не узнаем. Вспомните, он ведь так же был знаком с Рупертом Блайбнером. Может, он стал что-то подозревать...а может, доктор решил, что еще одна случайная и вроде бы бессмысленная смерть только укрепит суеверные страхи вокруг этого их экспедиции. Ах да, любопытный психологический момент, дорогой Гастингс! Убийца, тем более удачливый, старается снова и снова повторить преступление, которое так ловко сошло ему с рук. Это желание растет в нем с непреодолимой силой, преследуя его днем и ночью. И вот отсюда-то мой страх за жизнь молодого Уилларда. Призрачного Анубиса, страшного бога мертвых, сыграл, конечно, Хасан, и сделано это было по моей просьбе. Мне хотелось попробовать напугать доктора. Однако, как оказалось, вмешательства одних лишь сверхъестественных сил для этого было явно недостаточно. К тому же я догадался, что он прекрасно понял смысл разыгранного мной маленького спектакля и нисколько не обманывается относительно моей веры в колдовские чары черной магии и разгневанную душу покойного фараона. Больше того, я подозревал, что он постарается обезопасить себя, так что следующей жертвой, скорее всего, окажусь я сам. Да, да, Гастингс! Однако, несмотря на проклятое море, несмотря на эту невыносимую жару и мерзкий, отвратительный песок, мои серые клеточки все-таки работают!

Как потом оказалось, Пуаро был совершенно прав - прав абсолютно во всем! Много лет назад молодой Блайбнер, будучи основательно пьян, написал нечто вроде шуточного завещания, в котором были такие строки: - "Завещаю моему доброму другу доктору Эймсу, который когда-то спас меня, когда я тонул, мой портсигар, который ему так

нравился, и все остальное, чем я буду владеть на момент смерти, хотя, скорее всего, это будет только куча долгов".

Дело это, как вы сами понимаете, постарались поскорее замять. Люди и до сего дня со страхом рассказывают о таинственной и страшной смерти тех несчастных, кто осмелился потревожить покой фараона Мен-Хен-Ра. И поныне считается, что случай этот - неопровержимое доказательство неотвратимости мести древних египетских царей всем тем, кто посягнет на сокровища их гробниц. Впрочем, как объяснил мне Пуаро, это совершенно противоречит всем верованиям и учениям древних египтян.